ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА

ИОАННИЧЕСКОЕ СЛОВО

К 100-летию со дня рождения Константина Иванова

Его юбилей праздновали в Чебоксарах, в Башкирии и вот — в Москве, 5 июня, в Колонном зале Дома союзов состоялся торжественный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Константина Васильевича Иванова. И это естественно, потому что наследие поэта принадлежит не только его родному чувашскому народу, но urbi et orbi. И мы, осознающие трагический опыт эпохи, вдруг обнаруживаем у этого мальчика (ну, конечно; по нашим-то меркам, 25 лет — что за возраст!) мудрость, неведомую нам.

ХОЛОДНЫЕ волжские ветры и дожди врезываются сейчас в цветение черемух и яблонь, сменяясь Солнцем, которое ныне в Чебоксарах кажется обновленно-первозданным, даже архаичным (ведь и оно уже настолько «примелькалось» для нас, что мы не помним о его «извечности»).

И особое Празднество-Уяв природы и народа на берегу Волги — чувашского Адама — ширит и дерзит в сповойном тепле таинственное присутствие во всем Поэта. Год Чайковского и Пастернака продолжается, стал, по решению ЮНЕСКО, и годом классика чувашской литературы Кесьтентина (Константина) Иванова.

В Чебоксарах объявлен «день улицы нашего Кесьтентина». Вблизи от праздничной толпы, в которой улыбками поблескивают лица отцов, внуков и моих сверстников, болезненно дышит отравленная Волга Хлебникова и Некрасова, Михаила Сеспеля и Педера Хузангая.

Было ли сочувствие Поэзии в преступном отчуждении человека от природы? Да — для меня это несомненно. Новейшая европейская поэзия много сделала и для отчуждения человека от человека. Известный романтизм в наше время вырождался в персонализм (не имеющий отношения к персонализму теологическому). Правда, я постепенно стал понимать, что есть в этом и нечто положительное: своеобразный «тренаж» индивидуализируемых личностей для выдерживания межмировой борьбы в условиях современной цивилизации.

«Уроки Иванова» в эти дни содержатся для меня в вопросах, будто задаваемых им, — отдаленным и вновь вернувшимся со свеже-юным обликом. Настолько ли мы забыли свои собственные народы как религиозно-кормевые системы человеческих общностей, настолько ли обособленно «эстетизированы», чтобы говорить о вторичности «этического»? Будем пребывать в воинственно мелком мире презрения и Миру-Творению, считая это «поэтическим будущим»?

Мое поколение прожило в постосвенцимской культуре. Теперь уже речь идет о постчернобыльской культуре экологической катастрофы. Бутуя всю жизнь против всяческого утопизма, я выскажу, очевидно, нечто иллюзорное: неотступное отставание единства человека и природы мне кажется уже первейшим долгом труженика-поэта, памятование о чувстве человеческого братства тоже становится «черновой» работой Поэзии.

Все это «элементарно». Но истина всегда проста, сложна ложь (я упоминаю «простота» — самое таинственное из всего, что существует).

«Самое трудное — это передать волшебно, сакрально таящуюся простоту поэзии Константина Иванова», — сказал в ноябре прошлого года в Эдинбурге мой старый друг Питер Франс, член Британской академии, на вечере, посвященном чувашской поэзии.

СОТНИ нечувашских читателей, может быть, тысячи, наверняка наслышаны о великом поэте моего народа. Наслышаны, и не более того, — я это утверждаю со всей определенностью.

Ибо многочисленные переводы поэтических произведений Константина Иванова (только поэма «Нарспи» была издана в пяти русских переводах) оказались весьма неудовлетворительными.

Мы переводим не только с одного языка на другой, а нечто существенное (да и самое сокровенное) мы переводим, вносим из одной культуры в другую, мелос одного языка (как звучания народной души) передаем приблизительно соответствующим мелосом другого языка. Эпическая, протяженно-интонированная семисложная сплабика Константина Иванова переводится четырехстопным хореем, и мелос древнечувашского сказания превращается в русскую частушку, в прокрустово ложе этого частушечно-бойкого звучания укладываются творения устного творчества многих тюркоязычных народов. Во многом халтурное (даже циничное) отношение к переводам с языков малых народов нашей страны общеизвестно. По выполнению планов с необходимыми «галочками» у нас можно было бы создать министерство переводной промышленности. Европейское выборочное отношение к поэтическим переводам отнюдь не «масштабно», но более плодотворно — в качественном отношении. И лучшую иноязычную «Нарспи» Константина Иванова мы имеем в переводе замечательного поэта Анны Ведде, а стихотворения «чувашского Рембо» — Михаила Сеспеля — во Франции, в конгениальных переводах Мишеля Деги.

Я НЕ СТАЛ БЫ писать о Константине Иванове для иноязычных читателей, если бы не находил в его творчестве нечто сущностно важное для общего разговора о критической состоянии нынешней, все более дегуманизирующейся поэтической словесности.

Человек, дом, село, поле окружены в поэме «Нарспи» чувством Вселенскости и Вечности, — вхождением этих сил озарен изнутри в эпосе Иванова и малый ребенок, «в чьих глазах — слезы, но при этом — улыбка на устах его мягких», и бездыханное тело убитого «отрицательного героя», земная человеческая ценность которого начинает тихо светиться в неожиданном обширном реквиеме, в котором сливаются голоса автора и природы, жизни как вечности, — отстраненный голос поэта (как «наш общий голос») исходит из «народо-отца», и все это едино, в слиянии с Творцом.

Константин Иванов не нуждался в чувстве «тайной свободы» артиста с явным элитарным оттенком. «Его «тайна» — это согласие с миром и с людьми, да и со Вселенной. Нарушение этого согласия (бунт героини его поэмы, приведший к трагической развязке) завершается новым обновленным кругом гармонии — осознанием всем народом своей вины перед отдельной личностью, — развитие личностных черт должно быть принято вовремя — включением его в новый, качественно иной миропорядок.

Слово у Константина Иванова находится «в статусе» первозданно-творящей силы — оно как одно из проявлений продолжающегося Мироздания «ни на йоту» не отгорано от говорящей человеческой души (почти «анатомически теплой»). Любое небольшое произведение чувашского классика кажется моделью мира: здесь и пульсация природных сил, и присутствие общенародной жизни, и недоговоренная тайна душевной боли:

В дни, когда пиры справляют,
Пьют, едят и угощают, —
Песни на устах у всех
И звенит сквозь слезы смех.
О чувашский Канаш чудесный
Вдохновляешь сердце песней,
Что на ум тебе идет?
Что не душу так поешь?
Что в глазах твоих ты: слезы
Или радостные грезы?

(Перевод Педера ХУЗАНГАЯ)

Сейчас, когда поэзию съедают риторика и неудержимое верификаторское многословие, чувашский поэт напоминает нам о достоинстве Поэтического Слова (однажды это Слово я назвал «Иоанническим», по имени Апостола... — как бы грозно это ни звучало).

И это Слово религиозно-заданно — в смысле продолжающейся излучаемости наших духовных основ, излучаемости в таких явлениях, каким пребывает поэзия Константина Иванова.

Нынешний полицентризм взаимодействующих культур, заменивший европейский моноцентризм, должен «передвигать» из одной сферы в другие все самое сокровенное и «вспомогательно-актуальное» из духовных ценностей малых народностей — это пока что более плодотворно происходит в научных исследованиях, чем в переводах литературных произведений (об этом свидетельствовала большая научная конференция, посвященная Иванову, только что прошедшая в Чебоксарах).

НЕСКОЛЬКО слов о самом поэте. Смею сказать, уникальном в контексте мировой поэзии. Хотя бы потому, что все, оставленное Ивановым миру и народу, создано им в возрасте 17—18 лет.

Наш Кесьтентин. Константин Васильевич Иванов, первый крупный чувашский поэт и драматург, один из первых чувашских историков-этнографов, фольклорист, выдающийся живописец, глубоко преклонявшийся перед Леонардо да Винчи.

Большой мастер перевода, он внес особую вдохновенность в коллектив чувашских переводчиков Библии, произведения Лермонтова и Некрасова в его переложении вошли в золотой фонд родной словесности.

Из Симбирской чувашской школы, в которой он учился (и впоследствии работал) и которая была для него его «Царскосельским лицеем», он вернулся в родное село Слакбаш Уфимской губернии за четыре месяца до смерти... Вернулся, оставив в Симбирске недоделанную работу — деревянную пишущую машинку, которую он мастерил.

Осталась незавершенной его культурная работа — бюст матери, той, которой он сказал перед смертью: «Мама, в каком ты сегодня солнечном платье. Вот выздоровею и надену такую же рубашку» («солнечный», лоснистый цвет — основной в цветовом колорите его поэмы «Нарспи»).

Он умер в отцовском каменном доме, который он проектировал при перестройке как архитектор.

Весной 1960 года вся Чувашия праздновала 70-летие со дня рождения Константина Иванова. Летом умер Борис Леонидович Пастернак, родившийся в один год с чувашским поэтом. В те горестные дни я, живущий в родной деревне, получил по почте вышедший недавно большой однотомник Иванова, в котором обнаружил неизвестный мне стихотворный фрагмент (эти строки, набросанные карандашом на клочке бумаги, были найдены через полвека после смерти поэта):

Кончилась сказка... Пора замолчать.
Был же человеком добрым...

В то время, когда мог начать
Кончился на бедный чувашский
СКАЗКА КОНЧИЛАСЬ
ПОРА УМОЛКНУТЬ.

Последняя строка в рукописи была подчеркнута чернилами.

Встречаются в мировой литературе поэты, которых хочется назвать святыми их наций. Так называют их иногда не их сородичи и соплеменники, а люди других наций: «Руссдервиш» называли русского Хлебникова в Иране.

Наш Кесьтентин, странно-мерцающий образ, — лик самой скромности — чувашского Сопайлох, звучащего как наименование божества. Одухотворенный, излучающийся будто из всей нации-глубины (будто с некой безмной нелого «нетварного» света), мудрый, девственно-прекрасный, Наш «чуваш-дервиш».

Однако сказка кончилась... Пора умолкнуть.

Творческая деятельность поэта, произведения которого составляют один большой том, прекратилась в 1908 году, когда автору, повторяем, было 18 лет.

Геннадий АЙГИ

«Новый мир»: что вы пока не прочитали

Читатели с тревогой спрашивают нас: в самом ли деле «Новый мир» ЗАКРЫТ (как это сказано в заявлении редколлегии журнала для участников пресс-конференции 24 мая 1990 года)?

Могли ли мы предположить, преодолев в прошлом году яростное сопротивление всевозможных инстанций и напечатав «Чернобыльскую тетрадь» Григория Медведева, «Стройбат» Сергея Каледина, а главное — «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, что нас ждет в самом ближайшем будущем; казалось, что все худшее позади...

И действительно, «Новому миру» сейчас практически ВСЕ РАЗРЕШЕНО, мы работаем совершенно свободно (нет проблем), но вот БУМАГИ ДЛЯ НАС НЕТ и не предвидится, и полиграфической базы тоже, хотя журнал весьма прибылен (это еще слабо сказано) и деньги уплачены вперед.

Сложилась совершенно парадоксальная ситуация, когда «Новый мир» может позволить себе, в общем, все что угодно, за исключением одной малости: участвовать в литературной и общественной жизни в качестве нормального ЕЖЕМЕСЯЧНОГО журнала, каким и хотят видеть его подписчики.

Мы ВЫКЛЮЧЕНЫ из процесса. Нас нет. И в то же время мы есть. Мы работаем уже над сентябрьским номером, не будучи уверены, что он вообще дойдет до читателя — хотя бы в следующем году.

В связи с этим для нас особенно важно любезное предложение «ЛГ» рассказать нашим читателям, ЧТО именно они ДОЛЖНЫ БЫЛИ БЫ прочесть на страницах «Нового мира» в апреле и мае сего года.

В тот момент, когда выйдет этот номер «ЛГ», вероятно, еще не будет полностью допечатан даже мартовский номер, но значительная часть подписчиков все-таки получит и сможет прочесть и поэму С. Аверинцева «Благовещенье», и повесть М. Кураева «Маленькая семейная тайна», и рассказы Григория Медведева (об умирающих облученных атомщиках) и Ирины Емельяновой (об отечественных «узницах совести, сохраняющих в заключении совесть и веру»), и записные книжки Ходасевича, и стихи Ивана Елагина, и воспоминания дочери С. Михоэлса об отце, и остроактуальную главу из книги А. Авторханова о происхождении партократии.

Что же касается апрельского номера «Нового мира» (его сейчас только-только начинают печатать в Киеве), и выделил бы в нем среди прочего четыре крупные публикации.

Мы, к сожалению, до сих пор мало знакомы с творчеством нобелевского лауреата Соля Беллоу. «Лови момент» (перевела с английского Е. Суриц) — это его ранняя (1956) повесть, представляющая читателям просто хорошего романа и не претендующая на то, чтобы стать литературной сенсацией нынешнего года. Но она, думаю, сможет доставить удовольствие читателям, уставшим от обилия исторических разоблачений и эсхатологических пророчеств.

Впрочем, самый уставший от «политики» читатель вряд ли устанется равнодушным к фундаментальной работе Александра Ципко, задающегося вопросом «Хороши ли наши принципы?» (это название статьи) и уверенно отвечающего: нет, НЕ хороши. «Мы полагали связать свою судьбу с великой истиной, а выяснилось, что доверились интеллектуальной фантазии, которой не суждено было никогда воплотиться в кровь и плоть человеческой жизни», — пишет автор, призывающий к полному преодолению ВСЕН «марксистской доктрины». Александр Ципко «расследует» роль классиков марксизма в наших нынешних бедах, утверждая «криминальный» (его выражение) характер учения о революции и диктатуре пролетариата. Вполне вероятно, что для части читателей его мысли окажутся совершенно неприемлемыми, но к тому времени, когда журнал попадет к подписчикам, для другой части читателей все резкости Ципко уже превратятся в общие места.

Столь же явное неприятие революционного радикализма (но на значительно более высоком философском уровне) встречаем мы в подборке статей известного русского мыслителя Семена Людвиговича Франка (1877—1950) под общим названием «По ту сторону «правого» и «левого». Не только это название звучит сегодня актуально, вся подборка (как и другие материалы в новомирской рубрике «Из истории русской общественной мысли») составлена как остроупубличистическое выступление по насущным вопросам нашей жизни.

В 1988 году в «Новом мире» был опубликована статья Марианны Чудаковой «Без гнева и пристрастия. Формы и деформации в литературном процессе 20—30-х годов»; ныне Чудакова продолжает разговор о ВЫЖИВАНИИ литературы, деформированной под тоталитарным прессом, в статье «Сказ» звезды в терниях. Смена литературных типов». Она подробно анализирует тексты Аркадия Гайдара, Бориса Житкова — подбор персонажей может показаться странным, но он совершенно оправдан, в этом читатели сами убедятся; третий же персонаж ее статьи — Александр Исаевич Солженицын — удивление не вызывает.

В пятом, майском номере нашего журнала завершается публикация романа Солженицына «В круге первом» (№№ 1—5); в впереди — «Раковый корпус» (№№ 6—8), «Бодался теленок с дубом» (предположительно в конце года). Слово мы держим.

«Записи военных лет» Марии Степановны Волошиной, хранительницы дома и наследия знаменитого поэта, — о немецкой оккупации Крыма. Уникальны и заметки Анны Андреевны Ахматовой о Николае Гумилеве. Может быть, менее сенсационен, но, по-моему, крайне интересен неизвестный доселе текст Бориса Пастернака под названием «2-я картина, Петербург», фрагмент повести, название которой утрачено.

Читатели может удивить, что я говорю больше о «наследии», чем о современной литературе, которая в нашем журнале, естественно, присутствует (на разные вкусы — кому Вячеслав Пьецух, кому Иван Евсеенко, кому поэты военного поколения, кому Ольга Седакова...), но тексты Бориса Пастернака, Анны Ахматовой, М. С. Волошиной, публикуемые в пятом номере, имеют ценность БЕЗУСЛОВНУЮ, они ничего уже не теряют от ожидания встречи с читателем, теряет заждавшийся читатель.

Так сколько же ему ждать?..

Андрей ВАСИЛЕВСКИЙ,
ответственный секретарь журнала

ОБЩЕСТВО ДОСТОЕВСКОГО

В Старой Руссе Новгородской области, где в последние свои годы жил и работал Ф. М. Достоевский, прошли традиционные, ныне 5-е Всесоюзные чтения, ему посвященные.

В заключение конференции было принято решение о создании Общества Достоевского в СССР, в совет которого избраны писатели и ученые Д. Лихачев, Г. Фридлендер, А. Битов, Б. Егоров, Ю. Карякин и др. Президентом общества стал писатель, исследователь жизни и творчества Достоевского И. Волгин.

Такое общество, которое объединит всех почитателей Достоевского, будет поощрять исследовательскую работу, регулярно проводить чтения, посвященные великому писателю, организует совет музеев Достоевского, созданно в нашей стране впервые. Во многих странах уже есть подобные ассоциации — в 1971 г. создано Международное общество Достоевского.

Общество Достоевского в СССР надеется на моральную и материальную поддержку Союза писателей СССР, Советского фонда культуры СССР, Института мировой литературы имени А. М. Горького, Литературного института имени А. М. Горького, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

НАБОКОВ: МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В Москве прошла международная конференция, посвященная творчеству В. В. Набокова.

Эта встреча — первая в ряду целого цикла мероприятий по проблемам взаимодействия культур, которые будут проведены в США и СССР. Такую широкую программу сотрудничества наметили организаторы нынешней встречи: ассоциация творческой интеллигенции «Мир культуры», журнал «Иностранная литература», колледж Миддлбери (штат Вермонт), институт Эсален (Калифорния).

«Творчество Набокова стало темой первой нашей литературной конференции именно потому, что этот писатель в каком-то смысле является связующим звеном между европейской и американской культурами», — сказал в беседе с корреспондентом «ЛГ» профессор МГУ, первый заместитель главного редактора журнала «Иностранная литература» Н. Анастасьев.

Перечисление только некоторых тем выступлений ученых из США, Швейцарии, Польши, Индии, Новой Зеландии, Канады и СССР дает представление о характере дискуссии: «Ходасевич и Набоков», «Набоковский Берлин», «Письма Набокова», «Знаки и символы у Набокова», «Полигенез в набоковской прозе», «Проницательность памяти и набоковский стиль», «Неизвестный с берегов Сены и набоковские наяды»...

А американский славист В. Александров недавно закончил работу над критическим исследованием, рассматривающим проблему потусторонности у Набокова. «Я считаю Набокова одним из самых выдающихся писателей XX века. На мой взгляд, он стоит в одном ряду с такими художниками, как Джойс, Пруст, Кафка...»